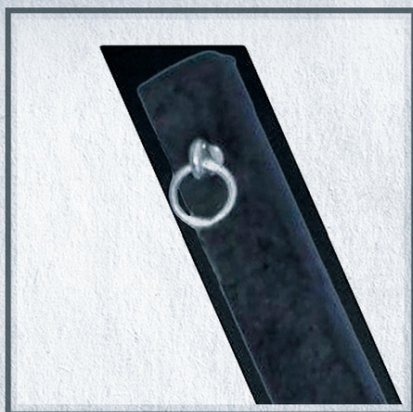

Уильям БАЙЕР

ФОТОГРАФИЯ ИЗ ЛЮЦЕРНА

Невероятно атмосферный
и захватывающий роман!

Booklist

Алиенист

Уильям Байер

Фотография из Люцерна

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Байер У.

Фотография из Люцерна / У. Байер — «Издательство АСТ»,
2015 — (Алиенист)

ISBN 978-5-17-093836-0

В 1882 году юная Лу Андреас-Саломе, писательница, будущий психоаналитик и роковая женщина, позирует вместе с Фридрихом Ницше и Паулем Рэ для необычной фотографии. Более тридцати лет спустя студент-искусствовед из Вены дарит фрау Лу свой рисунок-интерпретацию снимка, получившего скандальную известность. В наши дни фотографию повторяет профессиональная госпожа-доминантрикс, известная под именем Шанталь Дефорж. Когда тело Шанталь находят в багажнике украденной машины в аэропорту Окленда, штат Калифорния, в дело оказывается замешана Тесс Беренсон, блестящая актриса, переехавшая в лофт в стиле ар-деко, служивший до этого домом и рабочим местом госпожи. Интерес Тесс к личности Шанталь усиливается: она находит подсказки к разгадке убийства и все больше связей между своей жизнью и жизнью госпожи.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-093836-0

© Байер У., 2015

© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	20
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Уильям Байер

Фотография из Люцерна

William Bayer

THE LUZERN PHOTOGRAPH

Печатается с разрешения автора и литературных агентств InkWell Management LLC and Synopsis Literary Agency.

© William Bayer, 2015

© Перевод. Н. Казанцева, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Уильям Байер – американский писатель, автор девятнадцати художественных и научно-популярных книги, переведенных на четырнадцать языков.

Его книги становились бестселлерами «Нью-Йорк Таймс», завоевали множество премий, включая престижную Премию Эдгара Алана По за лучший роман, и были несколько раз экранизированы.

Захватывающий психологический детектив, в котором скандальная фотография конца XIX века дает ключ к современному убийству.

* * *

В этом психологическом триллере Байер холодно и умело изображает границу между добром и злом, переключаясь между фактами и вымыслом.

Library Journal Starred Review

Байер держит в напряжении, искусно сочетает сюжетные линии и вдумчиво развивает своих персонажей.

Publishers Weekly

Невероятно атмосферный и захватывающий роман!

Booklist

* * *

*Без элемента жестокости в корне каждого зрелища,
театр невозможен.*

Антонин Арто

* * *

Шестнадцатого мая тысяча восемьсот восемьдесят второго года в фотоателье, расположенное в швейцарском Люцерне на Цурхер-штрассе, дом пятьдесят, вошли посетители.

Двое мужчин средних лет и молоденькая девушка сообщили владельцу заведения, фотографу Жюлю Боннэ, о том, что заключили важное соглашение и желают его увековечить –

сделать снимок в виде живой картины. Старший из мужчин, Фриц, отверг все предложенные хозяином варианты: он настаивал на совершенно определенных декорациях, и сам выбрал подходящий реквизит. В качестве фона для снимка использовали диораму горы Юнгфрау. Когда все было готово, трое посетителей замерли, и Боннэ, накрыв черным покрывалом себя и аппарат, щелкнул затвором.

Сделанной в тот день фотографии было суждено стать знаменитой – точнее скандально известной. О содержащихся в ней загадках споры ведутся уже более ста тридцати лет.

Глава 1

Вена, Австрия. Декабрь 1912 года

Воскресный день, сверкающее солнце, морозный воздух. Дамы и кавалеры укутаны в меха. По обе стороны Рингштрассе кафе с витринами, оформленными в стиле модерн. На пьедесталах застыли серые каменные фигуры знаменитых австрийских композиторов. Девушки под ручку неспешно прогуливаются взад-вперед, а на них глазают солдаты в шинелях. Студент-скрипач виртуозно исполняет Паганини, чуть дальше по улице цыган наяривает Штрауса, и под ноги ему летят монеты. Слышны шум и гул, разговоры и смех, громкое цоканье копыт конных экипажей; мелькают огни проносящихся автомобилей.

Две женщины торопливо шагают по Франценринг: мимо парка Фольксгартен к придворному театру в императорской резиденции Хофбург. Они разного возраста, но идут под руку будто мать и дочь.

Старшей даме пятьдесят один год, она невысокая, закутанная в тяжелую, вышедшую из моды русскую шубу. Это Лу Андреас-Саломе – автор десяти книг и более чем полусотни статей, одна из самых известных интеллектуалок Европы. Впрочем, причиной известности служат не только написанные ею книги, но и давний роман с философом Фридрихом Ницше и долгая любовная связь с поэтом Райнером Марией Рильке. Она же роковая женщина с известной фотографии, сделанной, когда ей было двадцать один год: Лу держит кнут, сидя в телеге, запряженной парой мужчин – Ницше и его лучшим – на тот момент – другом, Паулем Ре.

Фрау Лу недавно приехала в Вену изучать психоанализ у доктора Зигмунда Фрейда; потом она планирует вернуться домой – в Гёттинген – и открыть там собственную психоаналитическую практику.

Ее спутница, она младше примерно на тридцать лет, – бывшая актриса-инженю и начинающая писательница Эллен Дельп. У нее четкие нордические черты и грива темно-русых волос, изящная фигура укутана в стильные меха. Хотя две дамы не родня друг другу, Лу сильно привязана к Эллен и представляет ее друзьям как приемную дочь.

Внезапно Эллен наклоняется к Лу и шепчет ей на ухо:

– Вон он, тот мужчина!

– Какой мужчина?

– Я вам говорила. Который следит за нами и бродит вокруг отеля.

– Ах, этот! Так давай выясним, что ему надо.

– Не надо с ним заговаривать!

Лу возражает:

– За мной и раньше следили, и мне это не нравится. Если у него ко мне дело, пусть подойдет и представится.

Преследователь, молодой человек едва за двадцать, понимает, что его заметили. Он на секунду застыл на месте, а затем пятится. Лу делает шаг в его сторону, но Эллен пытается ей помешать.

– Не надо!

– Вот еще!

Лу мягко высвобождает руку, затем решительно шагает вперед. Она уже имела дело с такими господами и знает: хотя бы след робости, – и слежка продолжится. Она не боится ни этого человека, ни кого-либо еще... она никогда никого не боялась.

Подойдя ближе, Лу замечает кое-что любопытное. Издалека их преследователь производит вполне respectable впечатление; но теперь очевидно, что одет он бедно: вытертый едва не до дыр костюм, разваливающиеся ботинки. Но сам он при этом чисто выбрит и дер-

жится прямо, усы чуть закручены вверх. Однако самое заметное – это глаза. Лу уже видела такой пылающий взгляд у одержимых ею мужчин.

Лу не может и подумать, что преследователь очарован юной и прелестной Эллен Дельп. Нет, она знает, пылкие чувства обращены к ней, Лу фон Саломе. Она не сомневается в этом – и оказывается права.

– Вы нас преследуете. – Она говорит ровно, без злобы и без сочувствия. – Мне это не по нраву. Будьте любезны, объяснитесь. А потом можете быть свободны.

Молодой человек бормочет, заикаясь:

– Я з-з-знаю, кто вы.

– Отлично. Я тоже знаю, кто я. Что вам угодно?

– Меня зовут...

– Неважно, как вас зовут. Зачем вы за нами ходите?

– Я просто...

– Да? – Не получив ответа, Лу добавляет: – Понимаю. Мое присутствие настолько ослепило вас, что вы утратили дар речи.

– Простите меня. Пожалуйста. Я сожалею.

– Разумеется, вы сожалеете. Как и положено навязчивому соглядатаю, которого поймали за руку.

– Даю слово...

– Да?

– Я не собираюсь причинять вам вред. Я просто хотел... поговорить. Если бы вы позволили мне представиться...

Лу резко его перебивает:

– Не здесь и не при таких обстоятельствах. Преследовать нас на улице – это недопустимо. Моя подруга говорит, что вы идете за нами от самой гостиницы. Если у вас есть, что мне сообщить, напишите надлежащее письмо и оставьте у портье. Если я решу, что встреча необходима, вам сообщат. Вы меня поняли?

– Да! Спасибо большое! Я так сожалею...

– Если вы и вправду сожалеете, принесите извинения в письменном виде. Будьте столь добры. И закончим на этом. – Она слегка улыбается. – А теперь уходите! Исчезните!

Юноша кивает и быстро уходит.

Лу поворачивается к Эллен, которая нерешительно топчется на месте.

– Полагаю, больше мы его не увидим. – Она потирает руки в перчатках. – Бр-р, ну и мороз. Зайдем в кафе? Я бы выпила горячего кофе и можно взять теплый штрудель.

Глава 2

Меня всегда привлекали идеи декаданса и порока, и именно они лежат в основе моих работ. Вот почему, едва оказавшись на пороге этого лофта, я поняла, что хочу здесь жить. Тому есть множество причин: высокие потолки, вид из окон, освещение – все вокруг заполнено ярким солнцем, расположение на верхнем этаже девятиэтажного офисного здания – памятника архитектуры в стиле ар-деко – в самом центре Окленда. Но, разумеется, самое главное – некоторые вещи прежней хозяйки.

Управляющий зданием, долговязый, улыбчивый американец китайского происхождения по имени Кларенс Чен обводит помещение рукой.

– Это все оставила мисс Шанталь Дефорж, профессиональная «госпожа», доминатрикс. – Он произносит это с явным удовольствием и многозначительно вздергивает бровь.

Насколько я понимаю, Кларенс флиртует со мной. Прекрасно – учитывая, как отчаянно я хочу получить эту квартиру.

– Практически перед самым отъездом Шанталь устроила тотальную распродажу, так что большая часть ее... оборудования... ушла. Вы бы видели, что за персонажи здесь бродили! Госпожи со своими рабами – чтобы было кому тащить покупки. Ну, а то, что не продалось, она все и оставила здесь. – Кларенс машет рукой в сторону гигантской решетчатой двери, закрывающей нишу в стене, превращая ее в клетку. Решетка перекошена и висит на одной петле.

Потом Кларенс показывает на противоположную стену и деревянный крест в форме буквы «Х»:

– Она называла это крестом святого Андрея.

Я все еще рассматриваю клетку.

– А что с дверью?

– Возможно, один из «пленников» вырвался на свободу. – Кларенс явно гордится своим остроумием. – Если вы решите жить здесь и захотите избавиться от всего этого барахла, я позову сварщиков, чтобы срезали решетку. И штукатура – заделать дырки. Ничего не менял, вдруг новый жилец захочет оставить все как есть. – Он ухмыляется с намеком. – Вот вам, похоже, все это нравится.

Кларенс прав – я заинтригована. Мысль о том, чтобы жить среди этих вещей, пугает и в то же время притягивает меня. Поэтому я говорю Кларенсу, что, если я все-таки надумаю снимать этот лофт, можно будет оставить все как есть.

Он показывает кухню-столовую («самое современное оборудование»), спальню («смотрите, какое потолочное окно – можно любоваться звездами») и огромный встроенный гардероб.

– Так говорите, вы актриса, мисс Беренсон?

– Актриса, да. Performance artist.

– Мне нравятся люди искусства. Из вас хорошие жильцы, куда интереснее, чем из счетоводов. – Он хихикает. – Шанталь тоже была своего рода художником. По крайней мере, так она утверждала, хотя я не видел ни одной ее работы. – Кларенс переходит на деловой тон. – Аренда – тысяча семьсот пятьдесят долларов, включая коммунальные платежи. Полагаю, вас это устроит?

Я почти перестаю дышать.

– Думаю, да.

– Так что, по рукам?

– Да!

Из-за экономического кризиса офисный рынок в центре Окленда на спаде, и предприимчивые домовладельцы превратили пустующие кабинеты в лофты. А поскольку я совсем недавно получила стипендию Холлиса, то такая аренда теперь мне по карману.

Стипендия Холлиса для женщин сферы искусств (художниц, писательниц, хореографов, актрис), также известная как «награда для мини-гениев» – чтобы не перепутать с более известной и престижной стипендией Макауртура, – это пятьдесят тысяч долларов в год, которые выплачивают пять лет. Единственное, что требуется от лауреата, – посвящать все свое время творчеству. Поскольку стипендию дают только женщинам, считается, что таким образом поощряют феминистические настроения. Меня это не смущает, так как все мои перформансы так или иначе про женщин.

Я все еще взволнована и благодарна этой награде – это явно событие, меняющее жизнь. За последние несколько лет мне чем только не приходилось заниматься: я торговала хот-догами, работала ночным сторожем – не брезговала никакой работой. Стипендия избавила меня от этого: теперь есть время на творчество и возможность арендовать место для работы.

Мне даже не приходит в голову торговаться. Кларенс предложил сказочные условия: в Сан-Франциско пентхаус такого уровня обошелся бы в три раза дороже.

По дороге к скрипучему лифту, Кларенс обратил мое внимание на надпись на арке между прихожей и гостиной: «Если не можешь дать счастья – дай мне свою боль! Лу Андреас-Саломе».

– Сделано по заказу Шанталь. Она сказала мне, что Лу Саломе была знаменитостью.

– Совершенно верно. И фраза очень известная, Ницше даже положил ее на музыку. И вполне подходит для доминатрикс.

– Какая вы умная! – говорит Кларенс. – Шанталь вот тоже была интеллектуалкой. – Он кивает на встроенные книжные полки в прихожей, теперь пустые. – У нее была масса книг. У вас и ученая степень есть? – Я киваю. – Калифорнийский университет? А специальность?

– «Театр, танцы и исполнительское мастерство».

– А у меня «Виноградарство и виноделие». Филиал в Дейвисе. Хотел работать в винодельческой отрасли. И посмотрите на меня – управляющий зданием!

Лампочка в лифте то горит совсем тускло, то вспыхивает; кабина двигается то быстрее, то медленнее и, наконец, рывком тормозит.

Мы идем через холл первого этажа. Кларенс не умолкает:

– Какие здесь светильники! А потолок, лепнина! Мне говорили, что этот вестибюль стоил немалых денег.

Мы спускаемся в офис Кларенса, расположенный на цокольном этаже, по дороге он рассказывает, что дом принадлежит его двоюродной бабушке Эстер, старой китайке из Ванкувера:

– Она приобрела его в качестве инвестиции. И отдала мне в управление, так что именно я решаю, кто здесь будет жить. – Кларенс искоса бросает на меня короткий взгляд. – А я выбираю только тех людей, которые мне нравятся.

– Мне очень приятно это слышать, Кларенс. Учитывая, что мы только-только познакомились.

– Ну, я надеюсь, вы в этом убедитесь.

Он распечатывает договор, и мы оба его подписываем, я передаю ему чек, и мыжимаем друг другу руки.

– Если по какой-то причине вам здесь не понравится, сообщите за месяц. Шанталь так и сделала. – Помолчав, Кларенс добавляет: – Она прожила здесь всего год. А потом почему-то решила расторгнуть договор. Совершенно внезапно. Устроила распродажу, съехала и не оставила адреса. Сказала, если ее будут спрашивать, говорить всем, что заболел родственник и

она переехала в другой город. Мне ее недостает. Она такая красивая. Изящная. Внешне совершенно спокойная и сдержанная. Хотя мне казалось, что внутри у нее всегда буря. Она называла лофт своей твердыней. И на карточке над домофоном написала: «Орлиное гнездо». – Он улыбается. – Полагаю, это было своего рода предупреждение для клиентов: чтобы знали, что их ждет. Говорила мне, что любит запустить когти в человека... и держать.

Я повторяю про себя: «Орлино гнездо», – звучит как-то слегка по-фашистски.

– Ладно. Если вам что-нибудь понадобится, Тесс, звоните в любое время.

Как мне повезло с управляющим, даже не верится! Говорю ему, что завтра начну перевозить вещи и переселюсь к концу недели.

Конец апреля: дожди прекратились и в воздухе пахнет весной. Солнце жарит уже вовсю, от залива веет свежестью, кругом ароматы полевых цветов, а фруктовые деревья окутаны белым цветом. Возможно, дело в моем богатом воображении, но сегодня даже хмурые лица бродяг, толпящихся перед пунктом выдачи бесплатной марихуаны, стали чуточку более довольными.

Следующие несколько дней полны забот. Я покупаю мебель: кровать, черный кожаный диван и пару кресел, дизайнерский кофейный столик из черного дерева и ковер в черно-белую клетку.

Представляю, как аскетично обставлю угловую комнату: рабочий стол, стойка с микрофоном, видеоаппаратура; оставляя свободным пространство темного паркетного пола для репетиций.

Студенческая служба перевозки доставила книги, кухонную технику, посуду, папки с материалами и сценические костюмы со склада в Беркли – все это сейчас сгружено кучей в центре гостиной. Среди вещей я отыскала четыре огромных рисунка, напоминающих чернильные пятна из теста Роршаха, и отнесла их в багетную мастерскую. Я «создала» их лет десять назад за одну ночь, в пустой студии на втором этаже Института современного искусства в Сан-Франциско. Сперва мы там занимались любовью с моим тогдашним бойфрендом и однокурсником, затем курили травку. Потом он обмазал чернилами мое голое тело, а я легла на сложенные пополам полотна, принимала разные позы. После мы осторожно прижали к заляпанной краской ткани вторую чистую половинку, чтобы изображение отпечаталось и получилось симметричным.

Я целыми днями бегаю туда-сюда, наталкиваюсь на других жильцов и сотрудников из офисов на нижних этажах. Здесь много китайцев – в деловых костюмах, с зачесанными назад черными волосами. Знакомлюсь с пожилой дамой-ювелиром и с супружеской парой, владельцами магазинчика, где они торгуют кожаной одеждой собственного производства. Все ведут себя очень дружелюбно.

В лифте я дважды наталкиваюсь на парня в заляпанном комбинезоне: около сорока, темноглазый, в черной вязаной шапочке, из-под которой торчит хвостик темных волос, схваченный засаленной резинкой. Когда мы сталкиваемся второй раз, я интересуюсь, указывая на пятна краски, измазался ли он при работе. Он кивает, и тогда я спрашиваю, сможет ли он кое-что подновить у меня в лофте.

Мужчина бросает на меня насмешливый взгляд:

– Краски – это конечно моя работа, но несколько в ином смысле.

– Ой, так вы художник? Простите!

Он смеется.

– Да все в порядке. Я и правда умею красить стены, клеить обои, ремонтировать электрику, даже со сваркой справлюсь. Так что, да, я сам считаю себя скорее мастером на все руки, а не художником с большой буквы. – Он присматривается ко мне. – Новенькая?

Киваю и говорю, что сняла пентхаус.

– Был там пару раз. Прекрасный вид из окон. Леди, которая там прежде жила, так стремительно съехала, что даже не попрощалась.

Лифт останавливается на шестом этаже.

– Ну, я приехал. Кстати, я Джош.

– А я Тесс.

– Добро пожаловать, Тесс.

Пока двери лифта закрываются, я читаю на спине его комбинезона надпись «Долой халтуру!».

В среду утром я еду в Беркли на встречу с доктором Мод – пришло время для очередного еженедельного сеанса психотерапии. Сегодня я нуждаюсь не только в терапии, но и в хорошем совете. Пора сказать моему бывшему бойфренду – который еще не знает, что он бывший – о том, что я сняла студию в Окленде не просто как место для работы, но и как новое жилье. Хотя мы оба более или менее признали, что нужно расстаться, он не ожидает, что я съеду так скоро. Я опасаясь его реакции, поэтому оттягиваю разговор. Надеюсь, доктор Мод посоветует, как справиться со страхом предстоящего скандала.

Мод Джейкобс принимает пациентов в кабинете прямо над галереей прикладного искусства в Сан-Пабло, всего в паре кварталов от академии боевых искусств, где я занимаюсь тайским боксом. Люблю утро среды: сначала я хожу изгонять демонов – час страданий с мозгом, а потом гоняют меня до седьмого пота – час страданий с сенсеем.

Кабинет доктора Мод не похож на стерильные помещения киношных врачей. На стенах чего только нет: плакаты с рок-концертов шестидесятых, рисунки ее внуков, мексиканские маски. Всегда найдется что-нибудь, что разбудит цепочку ассоциаций. Мод говорит, что эти вещи помогают ей чувствовать себя как дома и что у ее кумира, Зигмунда Фрейда, все столы и полки были заставлены всякими античными артефактами.

Мод Джейкобс – невысокая полная женщина и очень прямолинейная в общении, про себя она говорит: «хиппи, внезапно ставшая психоаналитиком неофрейдистского толка». В Беркли таких мало – в основном в этом городе сторонники Юнга. Впрочем, когда я выбирала себе врача, подход интересовал меня в самую последнюю очередь. Куда важнее было отношение доктора Джейкобс к проблемам пациентов и способность к сочувствию.

– Так Джерри не знает, что вы съезжаете? – спрашивает она.

Как всегда, голос Мод полон сочувствия. Она сидит откинувшись в потертом глубоком кресле; мягкие карие глаза смотрят прямо на меня. Простая стрижка без укладки, пробивающаяся седина – все говорит об отсутствии самолюбия. О том же свидетельствует и ее выбор одежды, так что если попытаться ей сделать комплимент, она реагирует всегда одинаково: «достала первую попавшуюся шмотку из шкафа».

– Он знает, что я собиралась, – отвечаю я. – Мы говорили об этом. Но, полагаю, он считает, что мне не хватит решимости.

– Довольно странно. Он же знает про лофт?

– При всей своей гениальности, Джерри иногда бывает до ужаса тупым.

– Можете объяснить, что вам особенно в нем не нравится?

Я задумываюсь.

– Пожалуй, его сарказм. Британские манеры, которых он нахватался, пока писал докторскую в Оксфорде. Эта интонация завсегда у университетского дискуссионного клуба; радость, когда удается подколоть собеседника. А когда он обращается ко мне, порой такое впечатление, что он чистит лимон... и этот лимон я. Не перевариваю... бесит!

Доктор Мод смеется.

– Мне нравится ваша злость, Тесс. Скажите ему то же самое при встрече.

– Понимаете, мне никогда не удастся победить в перепалке. Он слишком умный, у него очень хорошо подвешен язык. Никакого шанса.

– Разрыв отношений – это не просто спор. Если вы уйдете, то уже победили. Победа будет за Джерри, если он вынудит вас остаться.

Я заверяю ее, что твердо намерена уйти:

– Мы разлюбили друг друга, и секс с ним мне больше не нравится.

Доктор Мод всякого наслушалась про нашу с Джерри сексуальную жизнь, про то, как нас неодолимо потянуло друг к другу, едва мы познакомились. Но за последние несколько месяцев она много слышала и об угасании этого влечения.

– Он очень привлекателен, но больше меня к нему не тянет. Я уже и не понимаю, почему раньше тянуло.

– Прежде вы реагировали на его внешность и чувственные впечатления. Сейчас – на особенности личности. Учтывая, как он ведет себя с вами... Думаю, когда вы уедете, он испытает облегчение. Ну, если не считать удара по самолюбию. – Она вздыхает. – Вы же знаете, Тесс, я не люблю давать советы, мы здесь совсем для другого встречаемся, но сегодня я сделаю исключение. Полагаю, стоит объясниться с ним немедленно. И быть готовой сразу собрать вещи и уехать.

Именно в таком совете я и нуждалась, поэтому настроение сразу улучшается. Доктор Мод часто оказывает на меня такое воздействие. Были ситуации, когда я подвергала сомнению ее оценку ситуации, однако я никогда не сомневалась в ее способности мне помочь. Она психоаналитик, а не личностный консультант, – но все равно, у нее получается внушить мне оптимизм и вдохновить на борьбу с внутренними демонами.

В тренировочном зале я переодеваюсь в спортивный костюм и делаю разминку: скакалка, бой с тенью – а потом надеваю перчатки и иду работать с грушей.

Сначала я занималась аэробикой. Потом друзья посоветовали пойти на тайский бокс в качестве кардионагрузки. Удары стопой, коленом, комбинации ударов – все это помогает держаться в форме. Позднее, наблюдая за спаррингами, я заинтересовалась техникой контактного боя. Я все еще новичок и не готова к настоящему поединку, однако спарринги меня бодрят. Я обнаружила, что мне нравится бить и – к собственному немалому удивлению – что получать удары мне тоже нравится. Что-то в этом есть возбуждающее: обмен ударами с противником, борьба, стремление победить.

Тем не менее, сегодня я сосредоточена на работе с грушей. Представляю ли я, что передо мной Джерри? Пожалуй, да.

Через час, пропотевшая, со сбитыми стопами и костяшками пальцев, я принимаю душ, одеваюсь и иду выяснять отношения.

В отличие от большинства преподавателей университета, Джерри Хансекер богат. Он унаследовал неплохое состояние от отца, который разбогател на оклахомской нефти. Так что Джерри мог позволить себе купить дом в районе Беркли-Хиллс. Посторонный из камня, красного дерева и стекла, дом удачно был вписан в пейзаж и располагался на самой вершине холма. Высоченные потолки, паркетный пол, в гостиной большой камин с гранитной облицовкой. В окнах, как в рамке, – изумительные пейзажи.

Когда Джерри предложил мне переехать к нему, я не могла и подумать, что однажды захочу уехать. Но сегодня, после разговора с доктором Мод, я знаю, что скучать по этому дому не буду – он слишком явно говорит о безжалостном изысцестве своего хозяина.

Уж лучше лофт в Окленде, где прежде жила доминатрикс, чем этот алтарь поклонения блистательному эго великого Джерри.

Как мало, оказывается, здесь моих вещей! Час на сборы, – и я вытаскиваю три чемодана с одеждой и четыре картонные коробки книг и набросков. Ставлю все к самому входу – чтобы Джерри, как только войдет в дом, сразу понял, что происходит.

Я ложусь на диван в гостиной, закрываю глаза и жду его появления.

Должно быть, я задремала – его голос, донесшийся из прихожей, заставляет меня подпрыгнуть.

– Так ты, наконец, покидаешь меня, любимая? Я смотрю, все готово.

Сон слетает. Я сажусь.

– Привет, Джерри.

– Привет-привет.

Он склоняется надо мной: во взгляде обида, на лоб упала прядь седых волос. Я не нахожу, что сказать, а Джерри, заметив мою заминку, презрительно кивает. На нем сшитый на заказ спортивный пиджак, один из многих в его гардеробе, а английские туфли ручной работы ослепительно сверкают.

– Покидаю, – подтверждаю я, стараясь скрыть дрожь от того, что он навис надо мной. – Не хочу сбежать от тебя тайком.

– Какая храбрая девочка!

Снова эта ирония. Хотя похоже, что сейчас это просто попытка сохранить самообладание. Джерри садится и смотрит мне прямо в глаза, его голос слегка подрагивает.

– Я ждал этого, Тесс. Каждый день, подъезжая к дому, я спрашивал себя: «Сегодня? Или еще нет?» Ну, и вот... Кажется, в самом деле сегодня.

– Мне нелегко далось это решение.

– Разумеется. Но лучше бросить самой, чем быть брошенной, верно?

Я слышу, что он нервничает, но молчу и жду, что будет дальше. От следующей фразы Джерри у меня перехватывает дыхание:

– Интересный эффект от полученной тобой стипендии. Впрочем, этого стоило ожидать.

– Я бы в любом случае ушла. У нас все шло наперекосяк.

– И все же...

– Что?

Он улыбается.

– Не сказать, что ты получила ее совсем уж без моего участия. Стипендию, я имею в виду.

– На что это ты намекаешь? Ты дал кому-то взятку?

Джерри приподнимает брови.

– Взятку? Мне достаточно было сказать кое-кому из знакомых, чтобы они обратили внимание на твою работу. Они обратили, – и ты получила стипендию. Разумеется, я от тебя ничего не требую. И не намерен принижать твои достижения.

Мне хочется закричать. Как же злобно он пытается меня унижить! И как много это говорит о его характере! Подначки, подколки и насмешки, тщательно продуманные и вовремя сказанные, – я просто не могу этого терпеть! Хочется высказать ему все. А еще добавить, что вся его научная работа: скрупулезный критический разбор книг, стерильные исследования в области французского антиромана, в которых нет страсти или хотя бы интереса, – все это никому не интересно, никому нет дела.

Зачем только я связалась с мужчиной на двадцать лет меня старше? С ним я и сама чувствую себя старой.

Да, можно все это ему сказать. Но толку-то... Только давление подскочит. А потом он начнет выкрикивать оскорбления: он прежде уже называл меня «тупой сукой» и «идиоткой». Возможно даже ударит – хотя в тот единственный раз, когда он поднял на меня руку, я предупредила его о последствиях. Но кто знает, остановит ли это его сегодня? Потом мы затеем безобразную потасовку, а в итоге я еще и окажусь виноватой...

И поэтому я решаю оставить все как есть, не психовать и распрощаться с достоинством. Он хочет вывести меня из равновесия, пошатнуть уверенность в себе. Он просто пытается спровоцировать меня на ссору. Я буду его игнорировать. Пойду к телефону и вызову такси – подожду машину снаружи. Просто попрощаюсь и уйду. Пусть остается один в своем величественном доме, пусть сотрет со щеки злую слезинку, или может даже скупую слезу раскаяния... Именно так я и поступаю.

* * *

Следующие несколько дней я наслаждаюсь свободой. Голова кристально ясная, с плеч будто гора упала.

Я свободна. Я сумела уйти. Без скандалов и в тот момент, когда мне этого захотелось.

Сейчас я хочу вернуться к работе и доказать – себе и всем, – что достойна стипендии, что дело не в том, что Джерри кого-то там знает. Понимаю, что он просто хотел посеять во мне неуверенность в себе, но я не позволю ему этого сделать.

Утром я звоню Луису Суэйру – моему другу и аккомпаниатору – и приглашаю его прийти обсудить музыку для новой постановки.

– Будешь первым гостем на новом месте. И захвати виолончель, хочу кое-что попробовать.

Чуть позже в холле я сталкиваюсь с Кларенсом.

– Вы что-то говорили о сварщиках. Дадите контакты?

– Решили убрать решетку?

– Нет, она мне нравится. Но нужно отремонтировать дверь в «камеру».

– В доме живет парень, который с этим справится.

– Джош с шестого этажа?

– А, вы уже знакомы?

– Встречались. Думаете, он сможет?

– А почему, собственно, нет? Он же их сперва и поставил. – Кларенс ухмыляется. – Это был заказ Шанталь, по крайней мере, так она мне сказала. Причем, насколько мне известно, он не взял с нее денег. Могу только предполагать, по какой причине.

Вот это уже интересно...

Джош говорил, что был в пентхаусе «пару раз»; учитывая информацию от Кларенса, это явно преуменьшение. А об отъезде Шанталь без предупреждения Джош высказался как бы мимоходом... Похоже не хотел откровенничать. Хотя, с другой стороны, – мы просто столкнулись в лифте, с какой стати ему со мной откровенничать?

Я спускаюсь ко входу в здание и просматриваю список имен. У звонка апартаментов 6-С стоит имя Дж. Гарски. Я оставляю под его дверью записку с вопросом, возьмет ли он работу.

Название моего нового проекта – «Монолог». Я задумала его, разглядывая в светской хронике фотографии богатых женщин, поддерживающих множество прекрасных культурных организаций города. Я сыграю всего одно выступление, а публика будет будто бы моими «богатыми друзьями». Я, в облике некоей миссис Z, устрою для них музыкальный прием в своем огромном доме, представляя очередную восходящую звезду – ее изобразит Луис. После его выступления я встану и обращусь к публике. Начну с комплиментов исполнителю и благодарности гостям, а затем разражусь монологом, который поначалу будет казаться разумным и осмысленным, постепенно становясь все более бессвязным и жалким. Мое выступление закончится нервным срывом, истерикой и потоком слез. У меня много идей, что и как я произнесу,

какой сделаю макияж и что надену. Самым сложным будет найти помещение, подходящее для такого перформанса.

Я обзваниваю друзей, особенно тех, с которыми редко виделась, потому что их не одобрял Джерри. Сообщаю о нашем разрыве, о полученном гранте и о том, что работаю над новым проектом.

– Мне нужно место для выступления, – говорю я каждому. – Большой зал, скажем, где-нибудь на Рашен-Хилл – или, возможно, в одном из тех особняков в Си-Клифф. Не знаешь, может кто-нибудь согласится сдать мне дом на вечер? Много я заплатить не могу, но хозяйка может расослать приглашения собственным знакомым тоже. Поспрашивай, пожалуйста.

* * *

Луис Суэйру принес с собой свою странную электро-виолончель, которая больше напоминает оружие, чем музыкальный инструмент: плоская, вытянутая, непривычной формы. Мне он аккомпанирует именно на ней, но для «Монолог» она не подойдет. Если спектакль состоится, нужна акустическая виолончель.

– Будешь изображать музыкальное дарование, – говорю я.

Собственно, Луис и есть музыкальное дарование – в прошлом. Что он только ни исполнял: классику, рок, танго, джаз. Высокий, худой, с бритой головой и будто рублеными чертами лица, он прикрывает глаза и сдержанно кивает, демонстрируя полную готовность сыграть все, что потребуется.

Я объясняю ему свою задумку:

– Я играю миссис Z, великосветскую даму, вдову шестидесяти семи лет с явными следами пластики на лице. Ей нравится изображать из себя значительное лицо, уважаемую покровительницу искусств. Она пригласила на музыкальный вечер друзей – послушать выступление своего протеже, молодого талантливого виолончелиста, чью карьеру она взялась развивать.

– А, то есть это в прямом смысле концерт. Ты поэтому хочешь, чтобы я играл на акустике?

– Именно! Ты начинаешь соло на виолончели, потом вступаю я. Потом я умолкаю в слезах, а ты стараешься сгладить ситуацию.

– Понял, это как на церемониях награждения, когда актриса говорит благодарности слишком долго? Оркестр играет несколько нот, и если она не замолкает, то они играют уже в полную силу, выпроваживая ее со сцены.

– Да, и потом у меня случается срыв. Я убегаю со сцены, а ты начинаешь играть что-то тревожное и безумное. Чтобы душу выворачивало. – Я обнимаю его. – Мне так нравится работать с тобой, Луис. Не знаю, сколько мы заработаем, но, как всегда, доходы пополам.

Внезапно мне звонит Грейс Ви – на первом курсе мы жили в одной комнате. Сейчас она замужем за финансистом, который совершил несколько прибыльных сделок, вложившись в интернет-стартапы. Они недавно купили старинный особняк в Пресидио-Хайтс, а Грейс узнала, что я разыскиваю место для своего перформанса.

Услышав описание дома, я прихожу в восторг. Ровно то, что надо: огромный бальный зал на первом этаже.

– Ты правда разрешишь мне его использовать?

– Конечно, – уверят Грейс, – поэтому и звоню.

Я рассказываю, что собираюсь ставить. Особое впечатление на Грейс производит финальный срыв миссис Z.

– Я знаю этот тип женщин, – замечает она. – У нас ложа в опере, мы постоянно за такими наблюдаем – люди, чьи фотографии публикуются на страничке светской хроники местных газет.

– Да, это именно про них.

Она колеблется.

– Н-ну... Возможно, я смогу пригласить на представление несколько зрителей такого типажа. Они смотрят на Сайласа и меня как на выскочек, но если я их приглашу, – придут и за входной билет заплатят. Они бы хотели, чтобы мы участвовали в их организациях. – Она хмыкает. – Наше происхождение им не по нраву, а вот наши деньги – очень даже.

Мы договариваемся встретиться и пообедать, а потом осмотреть ее дом.

Вечером Джош Гарски приходит с инструментами и сварочным аппаратом – ремонтировать дверь клетки. На нем все та же вязаная шапочка из черной шерсти. Я приветливо здороваюсь, он односложно отвечает. Быстро обводит взглядом помещение, натывается взглядом на мои чернильные картины, подходит ближе и некоторое время рассматривает. Затем кивает, идет к решетке, опускается на колени и принимается за ремонт сломанной дверной петли.

Я внимательно его изучаю.

– Это ведь ты соорудил камеру? – Снова кивок. – Кларенс сказал.

– Само собой, Кларенс. Кто еще сует свой нос во все щели?

– Он милый.

– Я разве спорю?

– А каким образом могла быть выломана петля.

– Как я слышал, во время распродажи подружка Шанталь хотела купить дверь, чтобы сделать у себя такую же клетку. Они пытались выдрать ее домкратом. Когда не получилось, просто оставили все как есть.

– А тебя здесь не было?

– Я уезжал в Лос-Анджелес, к детям. Когда вернулся, Шанталь уже съехала.

– Какая она была, Джош? – спрашиваю я, и он озадаченно поворачивается. – Если ты соорудил для нее все это, то, должно быть, хорошо ее знал.

– Она не из тех людей, которых можно хорошо знать. Таких как она понять сложно.

– То есть?

– А ты любопытная... – Я киваю. – Ну, само ее имя, Шанталь Дефорж. Псевдоним, скорее всего. А как ее звали на самом деле? – Он пожимает плечами. – Я не знаю. Полагаю, никто из ее друзей не знал.

– Это необычно.

– Она и сама – необычная. Достаточно посмотреть на ее вещи. Шанталь говорила, что испытывает от всего этого наслаждение.

С тех пор как я въехала, то и дело ловлю себя на фантазиях о том, что происходило здесь прежде. Воображение рисует яркие картины: стоны наслаждения и боли; цоканье высоких каблуков; обнаженные рабы, ползающие у ног госпожи; бандаж, трости, плети, аккуратно и угрожающе разложенные на столе; щелчок наручников, запах кожаных масок и человеческого пота. Во всех этих картинах есть что-то непристойное, – но и влекущее.

Мне нравится исследовать отклонения. Один из моих спектаклей – замысловатая история убитой проститутки в сопровождении песен эпохи Веймарской республики. Именно этот перформанс и принес мне некоторую известность. Такое же ощущение притягательности порока побудило меня сохранить в лофте решетку и настенный андреевский крест.

– Не думаю, что женщина бы стала госпожой, если ей такое не по нраву.

Джош выключает сварочный аппарат и поворачивается ко мне.

– Если верить Шанталь, некоторым нравилось, некоторым нет. Иногда этим занимаются попросту ради денег. – Он некоторое время молчит. – Ты хотела знать, какая она? Красивая, образованная, воспитанная. Профессионал в своем деле, говорила, что она работает в сфере сексуальных услуг, но собственно сексом с клиентами не занималась. Не знаю, где она сейчас

и чем занимается, однако я совершенно уверен: у нее все отлично. Она распродала все свои вещички, а потом очень быстро уехала, – похоже, решила начать новую жизнь.

Как и я.

– Готово. – Джош встает и дергает, проверяя, отремонтированную дверь. – Попробуй.

Толкаю решетку туда-сюда.

– Тяжелая.

– Ну, так это сталь. – Он поворачивает в замке ключ. – Посади сюда кого-нибудь, запири, – и никуда не денется.

Я протягиваю чек, и Джош вслух читает мое имя:

– Тесс Беренсон. Интересно было бы посмотреть твои спектакли. – У входной двери он мнетя, потом все же говорит: – Не стоит просто так развлекаться с этой камерой. Люди нервничают, если их запирают. Но если тебе нравятся такие игры... ну, наслаждайтесь!

В этот момент Джош похож на официанта, расставляющего тарелки. Он коротко ухмыляется и идет к лифту.

Доктор Мод внимательно слушает, как я описываю ей сцену с Джерри.

– Вы все сделали правильно. Думаю, год назад вы бы сорвались, а сейчас смогли побороть себя и не наделать глупостей. Умница.

Я говорю ей, что не чувствую, что с Джерри покончено. Наоборот, радость, которую я испытала в самом начале, очень быстро привела к депрессии. Разрыв теперь воспринимается мной как личная неудача, в которой я виновата не меньше, чем он.

– Вы просто оплакиваете свою любовь, Тесс. Со временем вы сможете смотреть на вещи здраво, и когда-нибудь, возможно, вы станете друзьями. Пока же вы делаете все правильно – погружение в работу вам поможет.

Я описываю «Монолог»; она слушает меня очень внимательно.

– Крайне интересная идея. В меру серьезного и сатирического. Думаю, не надо делать миссис Z слишком мерзкой. Сделайте ее объемной. Да, в ней много эгоизма, самолюбования; да, она плохо разбирается в жизни. Однако когда она сорвется, пусть зрители не испытывают злорадства. Тогда получится героиня, которая одновременно внушает отвращение и жалость.

Глава 3

Вена, Австрия. Январь 1913. Идет снег.

«Ронакер», уютная венская кофейня в пору ее особой популярности среди окружения Зигмунда Фрейда.

В кафе послеобеденное затишье, и большинство маленьких отделанных мрамором столиков пусто. Со сводчатого потолка свисает пыльная хрустальная люстра. В воздухе плывет смешанный аромат кофе, шоколада и табачного дыма. В подставке аккуратно выложены газеты. В нише – бильярдный стол. Черно-белый кот вынюхивает на полу объедки.

Напряженный молодой человек – именно он преследовал Лу Саломе на Франценринг – сидит за столиком и что-то рисует на листе картона. Папка с акварелями спрятана под стул – подальше от глаз. На нем все тот же старый костюм, шейный платок и пара драных туфель. Каждый раз, когда звенит дверной колокольчик, он с надеждой оборачивается. И каждый раз разочарованно возвращается к рисунку.

Наконец входит Лу. На ней все та же меховая шуба. Едва молодой человек видит женщину, он прячет рисунок, порывисто поднимается и уже не отводит взгляда, от которого ей не по себе.

– Добрый день, фрау Саломе. Большое спасибо, что согласились прийти, я очень признателен. И, если честно, слегка удивлен.

Она хмурится.

– Вы полагали, я не приду?

– Что вы! Ну, конечно, я не сомневался, что придете. То есть я хочу сказать, что...

– Вы послали мне вежливую записку с извинениями. Я пришла. Куда лучше вести себя деликатно и ненавязчиво, чем гоняться по улицам за замужней дамой среднего возраста.

– Еще раз, простите меня. Я... я не знаю, смогу ли объяснить.

Она останавливает его взмахом руки и подзывает официанта. Он приветливо кланяется и она заказывает кофе по-венски.

– А теперь расскажите, – обращается она к молодому человеку, – что я могу для вас сделать?

– Я надеялся, вы согласитесь со мной побеседовать.

– На какую-то определенную тему?

– О, их так много.

– Вы просили о встрече. Так объясните, зачем. Или, как говорят в определенных кругах, выложите, наконец, карты на стол.

– Карты?

Он смотрит на акварель, затем на папку у своих ног. Ему так хочется открыть ее и показать гостье то, что находится внутри. Он кладет папку на стол, так, чтобы она видела, – а потом решает начать издали.

– Думаю, вы меня не помните... Но в день вашего приезда на вокзале Вестбанхоф мы столкнулись лицом к лицу. У вас был большой багаж. Я хотел предложить помощь, но вы уже окликнули носильщика. Я пытался продать вам свою акварель. – Он хлопает ладонью по папке. – Дама, с которой вы приехали, остановилась на минутку посмотреть рисунки, – а вы сразу ушли.

– Наверно, я думала о своем.

– Но кажется я заметил презрение.

– Чушь! Я никогда не держусь пренебрежительно, особенно с незнакомыми людьми. Мы торопились в отель – хотели быстрее разобрать багаж и отдохнуть.

– Вам нравится в «Зите»? – Он видит ее улыбку. – Ну, да, нелепый вопрос.

– Отель хороший. Расположен близко к нужному мне месту.

– Простите?

– Вряд ли вас это касается. Но, поскольку вы ходили за мной, я подумала, что вы уже знаете.

– Вы берете уроки у господина, который пишет о сексе.

Лу смеется.

– Ну, можно и так сказать. – Она вздыхает. – Вы просили о встрече, так что, пожалуйста, объяснитесь. Я постараюсь вам помочь. А если это не в моих силах, скажу прямо.

– Я надеялся, что вы согласитесь обсудить мои работы. Можете посмотреть?

Лу знаком просит передать ей папку. Берет, пролистывает содержимое, затем решительно захлопывает и возвращает.

– Вам требуется мое мнение?

Судорожный кивок. Понимая, как легко нанести рану, она старается выбирать более мягкие формулировки.

– О таком принято высказываться вежливо и сдержанно, но я считаю, что всегда лучше говорить правду.

Снова кивок, и молодой человек замирает, словно ожидая удара.

– Скажу откровенно: ваши работы не вызывают у меня никаких чувств. Милые, приятные изображения знаменитых зданий, тихих улочек и площадей. Вероятно, такие этюды могут быть интересны туристам. Но они не говорят мне ничего нового ни об этих местах, ни, что куда важнее, о человеке, который их написал. – Лу пристально смотрит на собеседника. – Вижу, вы расстроены. Я не хочу вас задеть. Не сомневаюсь, вы очень старались, и эти работы многое для вас значат. Если они ничего не говорят мне, вероятно, скажут кому-то другому. И давайте на этом остановимся.

– Но... позвольте объяснить, что я пытался пере...

– Искусство должно само говорить за себя. Не хочу быть грубой, но ваше творчество – не из тех работ, которые я желаю обсуждать. Думаю, сказанного довольно.

Он склоняет голову:

– Спасибо, что потратили на меня время.

Лу испытывает облегчение – молодой человек ведет себя куда тактичнее, чем можно было предполагать, судя по потрепанной одежде, и воспринимает критику куда лучше, чем она ожидала.

– Это просто мнение. Должна добавить, что восхищаюсь людьми искусства и мужеством, с которым они представляют свои работы на всеобщее обозрение.

При слове «мужество» он оживляется. Внимательно наблюдая за ним, Лу понимает, что это качество, которое он в себе действительно ценит.

– Полагаю, переубеждать вас бесполезно?

Она мягко улыбается.

– Чтобы вызвать мой интерес, вы должны работать в совершенно иной манере. Вряд ли вам захочется.

– Не понимаю.

– Я объясню. Однако прежде скажите, почему мое мнение так значимо для вас?

– Очень значимо, фрау Саломе. Я сразу вас узнал – там, на вокзале. Вот почему ходил следом. Потом, в Императорской опере, я поймал ваш взгляд, точнее, взгляд вашей подруги, – в тот день давали «Парсифаль». У меня было стоячее место, как всегда, а вы прошли мимо к своим креслам. Думаю, та, вторая дама, узнала меня.

– Она мне ничего не говорила.

На самом деле в тот вечер мы были в театре вдвоем, вспомнила Лу. Эллиен, она сама и психиатр доктор Виктор Тауск, еще один ученик Фрейда, с которым она подружилась и надеялась на роман. Художник явно избегает упоминать третьего участника компании. Он и в самом деле не заметил Виктора – или проигнорировал его, считая, что присутствие другого мужчины не имеет значения?

Молодой человек продолжает описывать встречу:

– Одно мгновение, и вы прошли мимо. После спектакля я решил подождать снаружи, а потом пойти следом. Я видел, как вы подозвали экипаж, и подслушал адрес.

Лу пристально смотрит на него:

– Это неприятно. Слежка отвратительна. Никогда не знаешь, что на уме у преследователя.

– Уверяю, я бы не осмелился вас побеспокоить.

– Однако, как видите, побеспокоили. Мне пришлось обратиться к вам, когда Эллиен сказала: «Вот человек, который идет за нами от отеля». – Лу медлит, а потом замечает: – Должна сказать, вы не произвели хорошего первого впечатления.

– Ваши слова абсолютно справедливы, и мне страшно стыдно.

– Оттого, что вас заметили?

– Да, а еще оттого, что вас рассердил. Но я благодарен – за хороший урок. – На его лице расцветает улыбка. – И за нашу встречу...

И снова она смотрит на него. Он в самом деле считал, что они с Эллиен могли его не заметить, или надеялся, что они первые начнут разговор, который он сам боялся инициировать?

– Вы свое получили. Пожалуйста, скажите сейчас – чего вы в самом деле желали? Какая у вас цель?

– Ц-ц-цель? Я просто хотел увидеть вас, поговорить, услышать ваш голос.

Господи, да он снова заикается.

– Вам требовалось мое внимание? Только это, больше ничего?

– Вы знамениты, фрау Саломе. Я видел, как люди бросались к вам и смотрели вам вслед. Уверен, что многие хотели бы сидеть рядом с вами и беседовать, вот как мы сейчас.

Лу сразу становится скучно и неловко. Пора заканчивать разговор.

– Здесь в Вене у меня каждая минута на счету. Очень много дел. Почти все время я трачу, читая или занимаясь с... с тем, кто пишет про секс, как вы это забавно сформулировали. Неужели это все, что вы слышали о профессоре Фрейде?

– Слышал, что он уговаривает людей пересказывать ему свои сны. И узнает будущее. Как гадалка.

– Не одобряете? Это нормально. Не всем нравится обсуждать секс. – Она бросает взгляд на настенные часы. – Мне и правда пора. Скоро начнется семинар.

Лу поднимается, он следом за ней.

– Могу я вас проводить?

– Конечно нет! Посидите, выпейте еще кофе. О счете я позабочусь.

– Вы очень добры. Мне страшно неловко, что счет оплачиваю не я, но у меня сейчас совсем плохо с деньгами. – Он тоскливо смотрит на нее. – Мы еще увидимся?

Она искренне удивлена:

– Я вам еще не надоела?

– Есть много вопросов, которые я хотел бы обсудить.

Ну, конечно.

– Я готова выпить с вами кофе через полтора-два месяца. Можно поговорить об искусстве, возможно, еще о чем-то. Но, прежде чем мы встретимся, я настаиваю, чтобы вы потратили время на анализ работ современных мастеров живописи. Климт, Шиле, Кокошка. И еще одно условие. – Она говорит четко и жестко. – Я категорически запрещаю вам следить за мной

и Эллен. Я очень рассержусь, если узнаю, что вы бродите за мной с тем же страдающим выражением, как сейчас.

Молодой человек робко кивает. Лу отмечает, как он становится послушен, стоит заговорить с ним строго.

– Если вы выполните эти два моих условия – они, на мой взгляд, вполне разумны, – мы встретимся еще раз. Я разрешаю вам написать мне письмо с напоминанием через шесть недель.

– Большое спасибо. Я принял ваши условия, как только их услышал.

– Прощайте.

Она пожимает его руку и выходит.

Глава 4

Утром под дверью меня ждет написанная от руки записка: «Ты хотела посмотреть на Шанталь. Приходи в четыре часа, я покажу. Дж.»

Спускаясь в назначенное время на шестой этаж, я спрашиваю себя, почему мне вообще пришло в голову позвать Джоша чинить решетку? Повисшая на одной петле дверь портит весь вид? Или в глубине души я просто хочу с его помощью понять, что собой представляет Шанталь? В нем и его отношениях с доминатрикс было что-то загадочное, и это будит мое любопытство.

Неужели Шанталь ждет меня и готова познакомиться?

Запах масляной краски пробивается из-под двери и проникает даже в коридор. Я вхожу. Шанталь здесь, конечно, нет. С подрамника смотрит огромный холст с почти завершенной картиной в манере Фернана Леже – не в смысле картина вроде его безличных труб и шестеренок, а работа в стилистике кубизма: женщина, отраженная в зеркале платяного шкафа.

– Ничего себе! А я и не думала, что ты такое пишешь.

– Этим на жизнь и зарабатываю. – На Джоше все та же вязаная шапочка и заляпанный краской комбинезон с надписью «Долой халтуру!» на спине. – Это для «Кафе Леже». Еще пара дней – и доделаю.

– Сильно. Будет притягивать все взгляды. – Впервые за время нашего знакомства я вижу на его лице настоящую открытую улыбку. – Так ты делаешь копии?

– Я называю это вариациями на тему. Берутся фрагменты работ известного мастера и сводятся в один образ – уже в соответствии с моим собственным видением. Чтоб никто не счел это подделкой, на обратной стороне холста стоит моя фамилия. Я работал в стиле Матисса, Брака, пару работ под Жана Арпа; а для ресторана одной из центральных гостиниц – серию по мотивам Фрагонара. Постепенно мои контакты стали передавать от клиента к клиенту, но все знают, что я откажусь писать под Пикассо.

– Пикассо? Почему?

– Да нет, художник как художник. Однако это интригует, согласись. «Есть парень, который нарисует все, что захочешь, только он отказывается работать в стиле Пикассо». – «Что, в самом деле? А по какой причине?» – Меня спрашивают, а я загадочно улыбаюсь. И люди сразу видят во мне нечто особенное.

Я смеюсь. Какой он все-таки забавный.

– Ты ведь пишешь не только «вариации»?

Джош пожимает плечами.

– Ну... Я позвал тебя, чтобы показать портрет Шанталь. Она не заказывала, я написал для себя.

Он ведет меня в дальний угол лофта – туда, где оборудована мастерская. Проходя мимо жилой зоны, я замечаю незаправленную кровать, гору посуды в мойке, словно подобранные со свалки стол и стулья.

Джош кивает в сторону стеллажа.

– Мои работы вон там.

Вытаскивает из кипы холстов один, подносит к свету.

Прекрасная молодая женщина с бледной кожей и темными волосами, волной падающими с плеч. Она изображена в виде возникшего античной колесницы: нижнюю часть тела от зрителя загораживает щит, а верхнюю прикрывает только элегантное бюстье из черной кожи. С легкой улыбкой она смотрит прямо в глаза зрителя. Одна рука опирается на борт колесницы; вторая сжимает длинный меч, словно Шанталь сейчас нанесет удар врагу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.